

ОБЩИННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН
ЕРЕВАНСКОЙ ГУБЕРНИИ*
(КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX вв.)

И. В. ДОЛЖЕНКО

Исследование сельской общины русских, оторванных от основного этнического массива, представляет немалый научный интерес, поскольку способствует выяснению вопроса сохранения, утраты или приспособления традиционных форм общественной жизни, вынесенных из мест выхода, к новым условиям Закавказья. В дальнейшем сравнительный анализ крестьянской общины русских Европейской части России Сибири и других регионов поможет выявить общее и локальное в развитии этой универсальной организации.

Сельская община русских крестьян Ереванской губернии являлась сложным социальным организмом, выполнявшим земельные, административно-судебные и духовные функции, и с институтом общины связан широкий круг вопросов. В данной статье мы ограничимся исследованием общинного самоуправления русских переселенцев: структуры, внутреннего управления, прав и обязанностей членов сельского руководства.

Источниковую основу статьи составили приговоры сельских сходов, которые среди других типов архивных источников выделяются качественной информацией¹. Необходимо подчеркнуть, что поскольку решения общесельских вопросов исходили от самих крестьян, они отражали определенный уровень крестьянского сознания, выраженный в реальной ситуации.

В системе управления низшей административной единицей являлась сельская община (на языке документов—«общество»). Общины были простыми, состоявшими из одного селения, и сложными, объединявшими несколько близлежащих деревень. Каждая община представляла самостоятельную административно-хозяйственную единицу.

Существование сложных общин можно объяснить, с одной стороны, действиями государственных властей в целях облегчения управления и сбора налогов, а с другой—экономическими интересами самого кре-

* В конце XIX—начале XX вв. в Ереванской губернии было 10 селений, в которых проживали русские сектанты—молокане и субботники.

¹ Среди мирских приговоров своей полнотой выделяются годовые комплекты решений сельского схода с. Никитино Александропольского уезда Ереванской губернии за 1890, 1908 и 1919 гг., которые легли в основу нашей статьи. Такая полнота решений сельского схода дает возможность ознакомиться с кругом вопросов, состоявших в компетенции низовой крестьянской администрации, а также с правовыми нормами, которыми руководствовались крестьяне при их решении. Сравнение решений сельского схода по одним и тем же вопросам в разные годы позволяет исследователю составить ретроспективное мнение о крестьянском самоуправлении, а также выявить направление развития общины в конце XIX—начале XX вв. В работе над статьей были привлечены документы сельских управлений, отложившиеся в Центральном государственном историческом архиве Армении в фондах Эриванского губернского по земледельным делам присутствия (ф. 91), Эриванского губернского правления (ф. 94) и Никитинского сельского управления (ф. 140).

стьянства: для малочисленных селений содержание сельского управления ложилось на плечи крестьян увеличением денежных поборов на общественные нужды.

В сложных общинах земельные владения каждого селения оставались неприкосновенными и находились только в его ведении. Общими являлись вопросы податного обложения, выборы членов сельского управления, поверенных и др.

На протяжении конца XIX—начало XX вв. в Ереванской губернии количество русских сельских общин было непостоянным. Для усиления жизнеспособности обществ по указанию властей, а иногда по инициативе крестьян происходила реорганизация сельских общин.

Русские селения, образованные в 1840-ые годы, обычно составляли простые или сложные общины, однородные в национальном отношении. Например, с середины XIX в. Нижнеахтинское и Еленовское общества Новобаязетского уезда являлись сложными и объединяли по три селения: Нижнеахтинское—Нижнюю Ахту, Константиновку и Сухой Фонтап, Еленовское—Еленовку, Семеновку и Александровку. Селения Никитино и Воскресенка Александропольского уезда по составу составляли простые общины, но объединялись в сложную.

Русские селения, основанные в 1870-ые годы, входили в состав сложных, смешанных в национальном отношении общин. С. Новониколаевка Ереванского у. относилось к Канакирскому сельскому обществу, с. Кармалиновка Нахичеванского у.—к Келани-Кишлягскому обществу, объединявшим, кроме русских, армян и представителей других национальностей².

Русские переселенцы, имевшие тесные экономические связи с коренными народами Закавказья, в общественной жизни старались обособиться от местного населения—не допустить «в молочанскую семью посторонних элементов, с которыми ни по общественному строю, ни по религиозным верованиям ничего общего не имеют и не желают иметь»³. Поэтому крестьяне выступили против соединения русских и армянских селений в сложные общества. В 1895 и 1915 гг. Никитино, Воскресенка и соседнее армянское селение Бозикенд были объединены в Бозикендское общество. Это вызвало недовольство русских крестьян. Они представили мирские приговоры с просьбой оставить их в прежнем административном делении, или, в крайнем случае, объединить два русских селения в одно общество. «Мы, русские молочане,—писали они,—а Бозикенд армяне, и наши интересы совершенно противоположны...»⁴.

Исследование административно-хозяйственной жизни смешанных в национальном отношении поселений и отдельных общин представляет несомненный интерес и требует внимательного изучения, поскольку традиции и обычаи, которыми руководствовались такие селения и общины, могли нести на себе специфические черты, вызванные влиянием своеобразных норм каждого народа. Однако необходимо подчеркнуть, что взаимовлияния в общинной жизни были возможны лишь в случае длительных культурно-бытовых контактов совместно живущих народов.

В Ереванской губернии все русские селения были моноэтническими, за исключением с. Новониколаевка Ереванского уезда, в кото-

² ЦГИА Армении, ф. 91, оп. I, д. 974, л. 154 об., д. 1055, л. 3.

³ Там же, ф. 133, оп. I, д. 2621, л. 15.

⁴ Там же, ф. 94, оп. I, д. 633, л. 26; д. 2313, л. 21—22 об.; ф. 91, оп. I, д. 972, л. 1—6 об.

ром в 1880-ые годы проживали как русские, так и армяне. В селении существовал единый сход, однако вопросы землепользования русские и армяне решали независимо друг от друга. Земельный надел селения, «во избежание новых раздоров и несогласий», был разделен на две части—отдельно для армян и для русских, причем для последних, как первопоселенцев, были отведены земли лучшего качества, так как «их трудами земля эта была возделана»⁵. Это вызывало недовольство армян, требовавших коренного передела земель, на что не соглашались русские. Русские Новониколаевки неоднократно просили местные власти перевести селение в состав Нижнеахтинского русского общества.

Таким образом, русские сектанты Ереванской губернии не соглашались как на совместное проживание в одном селении с представителями ксренных народов, так и на административно-территориальное объединение их с местными крестьянами. Это было вполне естественным. Иные религия и язык, другой уклад жизни, а кроме того, стремление сектантов не допустить постороннего вмешательства в их общинную жизнь, в рамках которой функционировала и религиозная община, заставляли крестьян всячески противостоять подобным объединениям. Кроме этого, у русских и армян существовал разный уровень подчинения местным властям, что предполагало иной подход к исполнению обязанностей членами сельского управления. Это также вызывало желание русских жить отдельно от местных крестьян. В 1916 г. ереванский губернатор отмечал, что «в губернии имеются русские селения, живущие совершенно обособленною жизнью от окружающего... населения и не связанные с ним ни экономическими условиями, ни общими задачами благоустройства и сельского управления»⁶.

Основой социально-экономического устройства русской деревни являлось общинное самоуправление, структура которого включала сельские сходы и крестьянский аппарат управления.

Сельские сходы являлись руководящим органом общины. В простой, одnodеревенской, общине действовал единый сельский сход. В сложных общинах сходы бывали полные и частные. Полные сходы собирались в главном селении общества при решении вопросов, которые касались нужд всех селений, входивших в состав общины, главным образом для решения фискально-административных вопросов. На частных сходах решались вопросы, затрагивающие интересы общинников только одного селения. Например, в 1911 г. частный сход с. Константиновка Нижнеахтинского общества принял решение об отводе участка земли под молитвенный дом селения⁷.

⁵ С. Новониколаевка было основано в 1870 г. переселенцами из с. Михайловка Казахского уезда Елисаветпольской губ., освоившими отведенную им пустошь. Но отсутствие воды, качество земли вынудили часть крестьян в 1880-ые годы переехать в Карсскую и Закаспийскую области, и в селе осталось менее 10 дворов. По замыслу губернских властей, жители этого селения, расположенного на почтовом тракте, должны были предоставлять ночлег проходившим войскам, провиант для солдат, фураж для лошадей. В связи с этим было необходимо увеличить численность населения, и, несмотря на противодействие молокан, администрация приписала к этому селению алапарских армян при условии, что они должны «построить не саки, а дома на молоканский образец, огородить их дворами, обсадить их деревьями, обзавестись подводами, фургонами для воинской повинности и в случае надобности печь сухари для войск...». Однако, согласившись на эти условия, армяне их не выполнили (ЦГИА Армени, ф. 94, оп. I, д. 3519, 3520).

⁶ Там же, ф. 91, оп. I, д. 974, л. 75 об.

⁷ Там же, д. 323, л. 3.

Традиция подчинения решениям сельского схода соблюдалась достаточно жестко. В зависимости от проступка к нарушителям применялись различные виды взысканий—общественные работы, денежные штрафы, наказание розгами⁸.

Сельские сходы проводились в помещении сельского управления, под которое крестьяне обычно арендовали дом у кого-либо из односельчан. Управление состояло из нескольких комнат и помещения, предназначавшегося для задержанных лиц,—«тюрьмы». В начале XX в. некоторые селения стали строить отдельные дома для сельского управления.

В русских селениях сходы созывались только в рабочие дни, обычно в среду или четверг. В них принимали участие сельские должностные лица и представители каждого хозяйства селения, причем в сельском управлении имелся список с указанием, кто из данной семьи имеет право представлять интересы дома на сходе⁹.

Правом решающего голоса обладал только глава семьи, и в неразделенных семьях из трех—четырех поколений взрослый женатый сын имел право голоса лишь в случае отсутствия главы семьи или его болезни и дряхлости. Уже в последней четверти XIX в. принцип представительности домохозяев становится более шатким: интересы отсутствующего домохозяина мог представлять кто-либо из односельчан, но при условии, чтобы никто из членов схода не имел более двух голосов—одного за себя и одного «по уполномочению». Это было узаконено в «Положении о крестьянах и поселянах Закавказья»¹⁰.

Казалось, что наделение женщин наравне с мужчинами земельным наделом, широкое распространение среди русских крестьян отходничества, в результате чего роль женщины в семье возрастала, должны были способствовать упрочению положения женщины в сельской общине. Однако в русских селениях Ереванской губернии женщины не принимали участия в сельских сходах: ни в одном из 70 приговоров Никитинского общества за указанные годы не фигурировала подпись женщины. Даже женщины-вдовы, стоявшие во главе хозяйства, не пользовались правом голоса. Интересы такой семьи представлял либо взрослый сын, либо опекун, родственник или сосед. Подобное полное отстранение женщины от участия в общественных делах было нехарактерно для русских внутренних губерний России, где женщины-вдовы пользовались правом решающего голоса¹¹. Такое бесправное положение определялось скорее всего религиозными взглядами сектантов, которые подчеркивали подчиненное по сравнению с мужчиной положение женщины.

Календарное распределение сходов с. Никитино показывает, что сходы собирались почти ежемесячно, иногда даже несколько раз в месяц, по мере необходимости решения общесельских задач. В период сельскохозяйственных работ, особенно летом, сходы устраивались реже. Чаще всего на одном сходе обсуждали несколько вопросов, по

⁸ Там же, д. 854, л. 2.

⁹ Там же, ф. 140, оп. I, д. 10, л. 8—8об.

¹⁰ Положение о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. I. Сост. Кучаев. Тифлис, 1886, с. 43.

¹¹ И. А. Миненко, Общинный сход в Западной Сибири XVIII—первой половины XIX в. (Общественный быт и культура русского населения Сибири. XIX—начало XX в. Новосибирск, 1983, с. 5, 7); Л. И. Кучумова, Сельская поземельная община Европейской России в 60—70-ые годы XIX в. (Исторические записки, т. 106. М., 1983, с. 337).

каждому из них выносили решение, которое и составляло содержание приговора.

Приговоры на языке самих документов назывались «мирскими». По своей форме они состояли из нескольких частей. В начале приговора указывались дата созыва схода, а в приговорах 1890 г. количество дымов по камеральному описанию 1873 или 1886 гг. Затем шла основная часть, где указывались причина созыва и решение схода, иногда с формулировкой «с общего нашего согласия». В некоторых приговорах отмечался и сам процесс обсуждения решения—«по предварительному совещанию». Последнюю часть приговора, нередко значительную по объему, составляли подписи крестьян, которые «удостоверялись» подписями писаря, старшины, а также заверялись печатью последнего. Отсутствие подписей крестьян на приговорах означало отказ большинства участников схода принять его и свидетельствовало о разногласиях между общинниками по обсуждавшемуся вопросу.

Сравнение приговоров за 1890, 1908 и 1919 гг. показывает последовательное сокращение формуляра и сведение до минимума содержательных клаузул, что объединяет приговоры 1919 г. и ограничивает возможности использования их как источника по общественной и хозяйственной жизни русских общин.

По подписям крестьян, скреплявшим приговоры, можно судить об уровне грамотности крестьян в тот или иной период, а также о представительности сельских сходов.

Анализ крестьянских подписей приговоров с. Никитино за 1890 г. выявил, что костяк сходов составляли крестьяне от 40 до 60 лет. Подписи крестьян старше 60 лет отсутствовали, хотя, возможно, они и присутствовали на сходе. По мирским представлениям, 40-летние уже считались стариками. Даже в формулярах приговоров подчеркивалось: «старики», «старые никитинцы», «старшие члены семейств»¹². В этом возрасте старшее поколение могло посвятить себя мирским делам, поскольку было менее занято в хозяйстве: в их семьях были взрослые сыновья, которые работали в поле, ездили в извоз. Из людей пожилого возраста составлялся совещательный орган, своеобразный совет старейшин, на авторитет которого опирались как местные органы власти в лице сельского старшины, судей, так и односельчане.

Общественный статус стариков в сельской общине русских крестьян был высоким и значимым. Они являлись хранителями производственных навыков отцов и дедов, традиционных нравственно-этических представлений и норм поведения. Кроме этого, в последней четверти XIX в. еще были живы первопоселенцы, которые перенесли все трудности переселения и устройства на новом месте. Некоторые из них были сосланы из внутренних губерний России за свою приверженность к сектантству, что придавало всему старшему поколению ореол мучеников за веру. Главная роль принадлежала старикам и в религиозных собраниях, неразрывно связанных с сельской общиной. Уважение к предкам определяло особое отношение к старшему поколению и в начале XX в.

Многочисленность участников мирских сходов зависела от характера выносившихся на обсуждение вопросов. Необходимым условием правильности принятия мирского приговора являлось наличие 2/3 от всего числа домохозяев, числившихся в селении по посемейным спискам 1886 г. В противном случае решение схода объявлялось недействительным. Особенно тщательно придерживались этого пра-

¹² ЦГИА Армении, ф. 94, оп. I, д. 633, л. 3, 15; д. 326, л. 2; д. 361, л. 2.

вила при выборе сельских должностных лиц, а также при решении следующих вопросов: перераспределении земельного фонда, разрешении семейных разделов, удалении из общества «вредных и порочных» членов и др.¹³

В начале XX в. в отдельных случаях сходы начали выходить за рамки подворного представительства, в них участвовали молодые главы семей. Возрастной состав схода стал более пестрым. Однако даже в 1910-ые годы официально представительность схода продолжала определяться, исходя из посемейных списков 1886 г., то есть практически во главе схода находилась немногочисленная группа крестьян — стариков или их взрослых сыновей, а молодые домохозяева были устранены от решения общесельских дел¹⁴.

Естественно, подобное «демократическое» представительство вызывало недовольство молодых глав семей, тем более что в начале XX в. процесс разделения больших семей, обусловленный социально-экономическими причинами, ускорился. В 1915 г. право участия на сходах стало предоставляться домохозяевам всех наличных дымов, входивших в состав сельского общества.

Решение схода принималось только в том случае, если за него проголосовало большинство присутствовавших. Это обстоятельство имело немаловажное значение: малоимущие слои крестьянства имели возможность противостоять нажиму зажиточных крестьян.

На сходах обсуждался широкий круг вопросов, связанный с разнообразными сторонами жизни общины: вопросы о разверстке денег на казенные повинности и общественные нужды, о выполнении натуральных повинностей, о распределении общинных земель. В ведении крестьян находилось благоустройство и охрана селения. На обсуждение выносились вопросы, касающиеся деятельности религиозных общин¹⁵. Сельский сход переселенцев утратил судебные функции, которые перешли к сельскому суду¹⁶.

С течением времени круг вопросов, который находился в компетенции схода, расширялся.

Анализ приговоров, принятых крестьянами на сходах в течение 30 лет, показывает, что в 1910-ые годы отдельные вопросы, например, землепользования, ставились на обсуждение не так часто, как в конце XIX в. В то же время гораздо чаще крестьянам приходилось заниматься вопросами, свидетельствующими о повышении общей культуры русской деревни — об открытии училища, почтового отделения, фельдшерского пункта, о приглашении за счет общества нового учителя и т. д.

В 1910-ые годы ежегодно на сельских сходах составлялось несколько приговоров о назначении опекунов над сиротами, об отчетах над сиротским капиталом. Это указывает на стойкое бытование опеки как общественного института среди русских сектантов Ереванской губернии не только в конце XIX, но и в первой четверти XX в., в отличие от внутренних губерний России, где уже в XIX в. опека существовала лишь формально.

¹³ Полсжение о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. I, с. 10.

¹⁴ ЦГИА Армении, ф. 91, оп. I, д. 323, л. I.

¹⁵ Там же, ф. 94, оп. I, д. 2835, л. 84—86.

¹⁶ Место и роль суда в жизни сельской общины рассмотрены автором в статье «Сельский суд русских крестьян Ереванской губернии (конец XIX—начало XX вв.)» (Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1989, № 3 (125), с. 164—173).

Одной из основных функций схода являлись выборы сельских должностных лиц, составлявших сельское управление: старшины, сельских судей и их помощников—«кандидатов». Кроме них, в состав сельского управления входили сборщик податей, десятник, рассыльные.

Крестьянское выборное управление не требовало от государства никаких затрат и существовало на средства общины. Сельские должностные лица за несение мирских служб получали вознаграждение из общественных сумм, размеры которого определялись сельским сходом, а также освобождались от выполнения натуральных повинностей. Обращает на себя внимание, что в отдельных сельских обществах, например, в Нижнеахтиноком, должность старшины исполнялась на общественных началах—без вознаграждения¹⁷.

В выборе сельских должностных лиц община проявляла известную самостоятельность, в чем выражалась ее демократичность. Сроки переизбрания сельской администрации были едиными для губернии: в конце XIX в. они составляли три года. В начале XX в. выборы проходили ежегодно.

Прежде чем приступить к выборам каждый из присутствовавших домохозяев должен был подписать клятвенное обещание о том, что в выборах он будет участвовать «по чистой... совести и чести, без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы...»¹⁸. Подписание такого обещания, имевшего стандартную форму для всех сельских обществ Ереванской губернии, вероятно, имело целью повысить моральную ответственность крестьян при выборах сельских должностных лиц.

Главой общины являлся сельский старшина (в мирских приговорах 1919 г. он назывался комиссаром). В селениях, входивших в состав сложной общины, сельскую власть представлял помощник старшины. О выборах старшины, его помощников, судей составлялся единый приговор. В нем указывалось, каким путем производились выборы: «по предварительному соглашению» или закрытой баллотировкой, то есть закрытым голосованием.

В русских селениях были широко распространены выборы на должность старшины и его кандидата «по общему соглашению». В этом случае в приговоре обязательно оговаривалось: «по случаю единогласного выбора... должностных лиц баллотировка не производилась». Формулировки подобных приговоров подчеркивали одобрение выборов всеми членами общины—«по единогласию своему»¹⁹.

К баллотировке, обеспечивающей более объективный выбор сельских должностных лиц, чаще прибегали в сложных общинах. В этом случае на должность старшины и его помощника выдвигали несколько кандидатур—от 2 до 3—4 человек, обычно из разных селений, составлявших общество. Крестьяне, получившие при тайном голосовании большее число голосов, избирались старшиной и кандидатами «по нему». В сложной общине старшина имел столько помощников, сколько населенных пунктов включала данная община. Обычно старшина избирался из села, где размещалось сельское управление. При выборах голосованием приговор сопровождался баллотировочным листом, содержащим конкретные сведения о распределении голосов между претендентами на должность и данные об их возрасте.

¹⁷ ЦГИА Армении, ф. 91, оп. 1, д. 332, л. 38, 41, 45, 45 об.

¹⁸ Там же, ф. 94, оп. 1, д. 2474, л. 1—1 об; д. 2313, л. 14.

¹⁹ Там же, д. 310, л. 1.

В 1886 г. законодательным порядком было установлено, что возраст выборных должностных лиц не должен быть ниже 25 лет²⁰. В конце XIX в. возраст старшины и его помощников, как правило, составлял от 30 лет и выше. В начале XX в. возрастной ценз повысился, и сельские должности исполняли крестьяне от 40 до 50 лет. К этому возрасту крестьяне обычно зарекомендовывали себя рачительными хозяевами, авторитетными людьми. Многие из них находились во главе неразделенных семей.

Грамотность не являлась определяющим критерием при выборе сельского начальства. В последней четверти XIX в. среди старшин уровень грамотности был низким: более половины были неграмотными. Даже в начале XX в. при повышении общего уровня грамотности среди старшин встречались неграмотные. В этом случае для подписи бумаг они пользовались специальными штампами, на которых указывались должность и сельское общество.

Положение сельского старшины было своеобразным: с одной стороны, и в первую очередь, он был связан с общиной, а с другой — с властями. Это определяло круг обязанностей, находившихся в компетенции главы общества. Они вытекали из функций, навязанных общине государством, и общемирских потребностей; контроль за сбором и распределением казенных повинностей, денег на общественные расходы, проведение переделов земель, выполнение натуральных повинностей, создание хлебных магазинов, продовольственных комитетов. Старшина должен был объявлять законы и распоряжения правительства, обеспечивать безопасность в селениях, задерживать бродяг и беглых, пресекать преступления и проступки и др. Многообразие функций сельского начальника отнимало у крестьянина много времени от ведения собственного хозяйства, и поэтому в русских селениях старшины не оставались на повторный срок, мотивируя тем, что уже три года «отслужили обществу»²¹. Таким образом, у русских крестьян Ереванской губернии степень обновления сельского руководства была высокой. Любопытно, что в других регионах, например, Сибири, старшины в целях личного обогащения обычно стремились оставаться на повторный срок.

Мирские приговоры содержат информацию о реальных качествах, которые по мнению крестьян, были необходимы сельским должностным лицам. Формулы доверия таковы: «благонадежного человека находя в нем», «не развратного поведения», «всегда ведущие себя трезво»²².

Привлечение к судебной ответственности, независимо от срока давности, являлось серьезным препятствием к избранию в члены сельского правления — старшины, судей, сборщика податей. В мирском приговоре указывалось, что избранные должностные лица «соответствуют законному возрасту, телесно не наказаны по суду и не оставлены судом ни в каком подозрении, а также под судом и следствием не были и теперь не состоят...»²³.

При выборах учитывались не только личные и моральные качества человека, но также хозяйственное и рабочее положение семейств кандидатов. Крестьян с критическим податным положением обычно на сельские должности не выбирали, так как определенный имущест-

²⁰ Положение о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. I, с. 39.

²¹ ЦГИА Армении, ф. 94, оп. I, д. 1357, л. 2.

²² Там же, д. 2474, л. 12; д. 2331, л. 2 и др.

²³ Там же, д. 2473, л. 2 об.

великий ценз свидетельствовал об организаторских способностях крестьянина, его хозяйственной сметке. Кроме этого, в семьях старшин, их помощников должны были быть взрослые сыновья, которые могли заниматься хозяйством, не ставя под угрозу экономическую устойчивость дома. По архивным документам на должность старшины обычно выдвигали крестьянина со средним уровнем материального благополучия. Однако были отступления от этого правила, о чем свидетельствует практика их последующего освобождения «по домашним обстоятельствам». В 1898 г. никитинский старшина дважды подавал прошения с просьбой освободить его от должности, обосновывая спой отказ тем, что он не имеет «совершеннолетних» наследников и опасается за свое домашнее хозяйство, которое может прийти в упадок, «причем даже подорвется корень жизни моей»²⁴.

Иногда освобождали досрочно—«по нерадению», а также в случае привлечения к судебной ответственности. Так, в 1879 г. с сельского старшины с. Воскресенка были сняты полномочия за участие в драке²⁵. В этих случаях обязанности старшины исполнял его помощник. Он являлся полномочным представителем высшей сельской власти до следующих выборов. В целом досрочные перевыборы не были характерны для сельских обществ русских крестьян, а являлись исключением, однако подобные смещения указывают, что сходами принимались во внимание надежность и управленческие навыки сельского руководства.

Довольно редким было совмещение сельских должностей в одном лице, например, когда помощник старшины одновременно являлся судьей.

Старшина, судья, их помощники могли приступить к исполнению своих обязанностей только после утверждения их губернатором, затем в полицейском управлении от них отбиралась подписка «на верность службе», поскольку они, «как приемлющие сектантство», присяги не признавали. Здесь же они получали указания «по отправлению их обязанностей»²⁶.

Члены сельского управления носили нагрудные знаки. Кроме этого, старшина и судья имели печати.

Сравнение приговоров разных лет свидетельствует, что престижность должности сельского «начальника»—старшины постепенно падала. В конце XIX в. он исполнял свои обязанности три года. В 1900—1910-е годы старшину переизбирали ежегодно. К 1919 г. исполнение обязанностей старшины стало считаться малопочетным, и в некоторых селениях срок службы сократился до трех месяцев. Например, в с. Никитино крестьяне выбирали на эту должность четырех человек, которые очередность исполнения обязанностей устанавливали жеребьевкой.

В состав членов сельского управления входил сборщик податей, на нем лежала ответственность за все денежные сборы. Грамотность являлась обязательным условием при выборе крестьянина на эту должность. В 1890—1900-е годы сборщик податей избирался на год, а в 1919 г. лишь на время сбора налогов или общественных денег. Разверстка денег на казенные повинности и общественные нужды занимала существенное место в работе сельского общества. Эти важнейшие

²⁴ Там же, д. 2475, л. 6—8.

²⁵ Там же, д. 310, л. 7.

²⁶ Там же, д. 584, л. 1.

для крестьянства вопросы выносились на обсуждение и утверждение сходов ежегодно, обычно в начале года.

В конце года старшина и сборщик податей должны были отчитаться перед односельчанами в денежных операциях. Для ревизии их деятельности иногда назначали «учетчиков» — крестьян, которые проверяли расходование общественных денег и выносили свое решение на сход, на котором составлялся приговор, что общество «претензии» к старшине и сборщику податей не имеет²⁷. В случае недостачи вповину в течение нескольких дней вменялось внести недостающие деньги, но подобные случаи в русских общинах были очень редки.

Выборными лицами сельского управления являлись также десятник и рассыльный. Десятник осуществлял полицейскую власть в селении. Выполнение этих функций было одной из неприятных обязанностей для сельских выборных, однако их действия, как свидетельствуют деловые материалы, не подвергались осуждению в общественном мнении крестьян. Обязанности рассыльного заключались в оповещении сельчан о предстоящем сходе, вызове в сельский суд, а также в доставке корреспонденции в уездный город, близлежащие селения и передаче ее «по назначению и своевременно»²⁸.

Несколько особое положение среди сельской администрации занимал писарь, который являлся единственным наемным, а не выборным лицом. От писаря требовались не только грамотность, но и высокий уровень бюрократической культуры, хорошее знание делопроизводства. Эти качества, а также опыт обеспечивали фактическую несменяемость писаря в течение ряда лет и давали ему огромные преимущества перед сменяющимися и малоподготовленными старшинами. Именно писарь держал в своих руках все нити мирского самоуправления. Он записывал мирские приговоры в книгу решений сельского схода, письменно оформлял приговоры сельского суда, а также сделки, договоры, духовные завещания, выдавал копии решений схода, суда. Жалованье писаря значительно превышало денежное вознаграждение старшины.

Сельские «начальники» — старшина, сборщик податей, писарь могли использовать свои должности в целях личного обогащения с помощью взятки, выдачи ложных приговоров и т. д., однако в описи дел Эриванского губернского по поселянским делам присутствия за 32 года — с 1870 по 1902 гг. не содержалось ни одной жалобы русских крестьян на злоупотребления или неправильные действия сельских должностных лиц²⁹. Тем не менее подобные факты имели место, однако конфликтные ситуации, вероятно, решались внутри сельской общины, чтобы не допустить вмешательства чиновников во внутреннюю жизнь села.

На сельских сходах выбирали не только должностных лиц, облеченных полномочиями на определенный срок, но и поверенных, которые представляли интересы крестьянской общины за ее пределами и играли немаловажную роль в связи сельского населения с внешним миром. Существование института поверенных следует рассматривать как фактор, затруднявший наступление на общинную демократию.

В поверенные выбирали энергичных, грамотных крестьян, имеющих опыт общения с властью имущими. В мирских приговорах дается оценка деловых качеств поверенных «благонадежный», а также содержится как формула доверия им, так и обязательство безусловного повино-

²⁷ Там же, ф. 91, оп. 1, д. 365, л. 10 об.

²⁸ Там же, ф. 140, оп. 1, д. 2, л. 7, 26 об.

²⁹ Там же, ф. 91, оп. 1, д. 1.

вения и согласия с их решением: «Одним словом, что Вы по сему законно и справедливо учините, мы, общественные старики, Вам вполне будем верить, спорить и прекословить не будем»³⁰. Поверенные пользовались большим авторитетом среди крестьян. Неслучайно, письменные отношения к своим доверителям начинались словами: «Милостивый государь!»

По крестьянским представлениям община имела законные основания противостоять губернской администрации, и нередко поверенные представляли коллективные протесты крестьян, выступавших против предписаний начальства. Коллективные протесты — наглядный пример того, что мир выступал как единое целое и, если говорить об общинных чувствах, то более яркого проявления их, пожалуй, найти нельзя. Успех такого дела зависел от активности общинного руководства, убедительности аргументации, изложенной в прошении, а также поведения доверенных лиц, которые должны были добиться положительного решения. Ярким примером этого явился приговор никитинских крестьян в 1919 г., в котором они отказались выставить подводы для перевозки грузов. В приговоре отмечалось, что общество не в состоянии «удовлетворить всех износимых требований администрации, лежащих на нас гнетом времен крепостного права...»³¹.

Вопрос взаимосвязи высшего чиновничьего аппарата и сельского управления заслуживает самостоятельного рассмотрения. Отметим, что стремясь регламентировать общинное самоуправление, государственные власти вмешивались в дела общины и контролировали ее деятельность³².

Итак, общинное самоуправление русских крестьян Ереванской губернии сохранило традиционное устройство и характер общинных функций, существовавших в местах выхода переселенцев. В небольшой степени этому способствовал тот факт, что отдельные сельские общины были составлены выходцами из одной местности, и многие привычки и навыки жизни «миром» русские крестьяне привезли в Закавказье. В то же время в сельской общине переселенцев появились черты, нехарактерные для внутренних губерний России, например, полное отстранение женщин от участия в решении «мирских» проблем, передача судебных функций сельскому суду.

В условиях проживания в иноконфессиональной среде значение общины возрастало, и в первые десятилетия XX в. общинная организация продолжала занимать значительное место в жизни русских крестьян Ереванской губернии. Необходимо подчеркнуть, что община русских сектантов имела двуетадную основу в виде религиозной и сельской общин, в реальной жизни тесно связанных между собой. Подобное сосуществование этих двух механизмов изолировало крестьян не только от окружающего населения, но и в какой-то степени от государства в целом.

В глазах крестьян сельская община выступала не только формой объединения для отстаивания своих интересов, но и надежным средством защиты от посягательств властей на ее внутреннюю, в том числе и религиозную жизнь.

³⁰ Там же, ф. 140, оп. I, д. I; ф. 94, оп. I, д. 633, л. 32 об.

³¹ Там же, ф. 140, оп. I, д. 8, л. 62 об.

³² Стремясь бюрократизировать общинные институты, усилить контроль за их деятельностью, в 1916 г. в Ереванской губ. был принят закон о «двадцатниках». Состав сельского схода стал определяться из сельских должностных лиц и выбранных по одному человеку от каждых двадцати дымов. Однако в отношении русских селений положение о «двадцатниках» было признано нецелесообразным ввиду малочисленности селений (ЦГИА Армении, ф. 91, оп. I, д. 974, л. I, 75).

**ԵՐԵՎԱՆԻ ՆԱՀԱՆԳԻ ՌՈՒՍ ԳՅՈՒՂԱՑԻՆԵՐԻ ՀԱՄԱՅՆԱԿԱՆ
ԻՆՔՆԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆԸ
(XIX դ. վերջ—XX դ. սկիզբ)**

Ի. Վ. ԴՈՒԺԵՆԿՈ

Ա մ փ ա փ ա մ

Երևանի նահանգի ռուս գյուղացիների գյուղական համայնքը XIX դ. վերջին և XX դ. սկզբին պահպանել էր ավանգուսային այն կառուցվածքն ու համայնական ֆունկցիաների բնույթը, որ գոյություն են ունեցել ռուս գաղթականների նախնիների բնակավայրերում: Դրան զգալիորեն նպաստել է նաև այն փաստը, որ գյուղական առանձին համայնքներ կազմավորվում էին հիմնականում մեկ տեղավայրից, նույնիսկ մեկ գյուղից ելած բնակիչներից, և կյանքի շատ ստվորություններ ու հմտություններ ռուս գյուղացիական համայնքները պահպանում էին նաև Արևելյան Հայաստանում: Միևնույն ժամանակ գաղթականների գյուղական համայնքում երևան էին գալիս որոշ գծեր, որոնք բնորոշ չէին Ռուսաստանի ներքին նահանգներին: Օրինակ, կանանց լիակատար մեկուսացումը համայնական պրոբլեմների լուծման ընթացքում: Ռուս աղանդավորների համայնական կազմակերպությունների հիմքում ընկած էր համայնքի երկակի իմաստավորումը՝ կրոնական և գյուղական համայնքների միասնության տեսքով: